

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕТСТВА В ПОЭЗИИ РУССКИХ РОМАНТИКОВ

Феномен детства прошел через длительный период исторической эволюции. Еще в ветхозаветные времена статус ребенка был крайне низок, о чем свидетельствует жизнь праведного Авраама, готового принести в жертву Богу собственного сына. В эпоху Нового Завета, когда Иисус Христос поставил перед учениками детей, сказав, что *таковых есть Царство Небесное* (Мф.19:14), происходит аксиологическое (ценностное) открытие детства. Затем с появлением сентиментализма во главе с теорией о «естественном человеке» Ж.-Ж. Руссо и концепцией Дж. Локка о воспитании человека, происходит открытие ребенка как особого типа индивида, впервые описанного в романах Ж.-Ж. Руссо «Эмиль или о воспитании» и «Исповедь». Если в первом произведении писатель впервые в мировой литературы использует прием «мир глазами героя», где ребенок выступает в качестве повествователя, то во втором показывает становление личности ребенка на разных этапах формирования личности.

Затем представители романтизма, течение которого возникло под влиянием в первую очередь, переосмысления негативных последствий буржуазных революций, помещают эго ребенка в центр мироздания, установив по выражению Н.Я. Берковского «культ ребенка и культ детства» [1, с. 31]. Так постепенно детство в общественном сознании оформляется в некий культурный миф, основанный на принципе двоемирия — противопоставления мира идеального и реального.

Учитывая прошедшую эволюцию, современная гуманитарная наука рассматривает детство не только как возрастной период от младенчества до начала взрослой жизни, но и как особый психокультурный феномен или культурный код, структура которого, как утверждает К. Лапай, проявляет себя по-разному в зависимости от трех составляющих — биологической, национально-культурной и индивидуально-личностной [2, с. 28].

Все составляющие культурного кода мифа детства репрезентируются в литературе романтизма с помощью таких структурно-семантических компонентов как идеальные образы отца, матери, семьи и дома, которые выступают как замещение мифологических первопредков, а в христианстве — Святого семейства и Дома; идилличность и бесконфликтность детства как коррелят первозданного райского блаженства; чистота и невинность ребенка, детскость как аналог состояния первобытного человека до «грехопадения», сопутствующая мифу о Золотом веке; культ естественной природы (в противопоставлении цивилизации) как вариант замещения образа рая; мотив утраты и недостижимости идеального состояния как коррелят мифологемы «потерянного рая».

Существенным фактором, повлиявшим на специфику русского варианта мифа детства, следует считать устойчивость христианских

ценностей в сознании русских людей. Как писал Ю.М. Лотман, одной из особенностей русской литературы, выделяющей ее среди других литератур, стало сохранение средневекового взгляда на человека [3, с. 127], поскольку религиозный кризис в русской культуре в отличие от европейской переживался менее остро. Отсюда ребенок как воплощение счастья, семья и дом как необходимое его условие в произведениях русских романтиков становятся аксиологическим центром мифа детства, определяя специфику его национального варианта именно в религиозном осмыслении. Кротость, доброта, чистота ребенка в христианском понимании ближе всего к идеалу святости и состоянию блаженства — полного счастья, которое возможно при восприятии мира в его целостности, доступном только детям.

Значимость для русского варианта мифа детства такой категории, как блаженство, объясняется тем, что в христианстве, согласно А. П. Лопухину, «внешние свойства не имеют никакого значения, и все обуславливается внутренним достоинством человека, которое и служит источником блаженства» [4, с. 711]. Поэтому у русских романтиков счастливый и идеальный мир детства приобретает визионерский характер: он связан, прежде всего, с прошлым и возникает в воспоминаниях, видениях.

Считается, что лирическое открытие ценности детства в русской поэзии осуществил М. Ю. Лермонтов, у которого миф детства получил наиболее глубокое и системное воплощение. Т. М. Лобова достаточно подробно проанализировала феномен детства в творчестве поэта, отметив, что у Лермонтова присутствует понимание ценности детства, образ рано повзрослевшего ребенка, мотив защиты гармоничного детства, соотнесенность отцовско-материнского комплекса с архетипическими образами Бога Отца и Богородицы [5]. Добавим к этому некоторые соображения.

В лирике Лермонтова акцентируется образ детства как утраченного рая и оставшегося в прошлом недостижимого для взрослого человека ощущения полноты жизни. Для поэта характерно использование воспоминания о детстве в «минуту жизни трудную». К примеру, в стихотворении «Умиравший гладиатор», описывая последние мгновения жизни павшего в бою гладиатора, поэт погружает героя в «луч воображенья», благодаря которому

Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей и играющих — возлюбленных детей [6, с. 503].

Особый колорит в такой кризисный момент приобретают описания природы и родного дома — дома детства, предстающие в воспоминаниях как часть идиллического прошлого. Так, в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» прошлое воссоздано как отстраненное памятью гармоничное видение, как «прекрасное мечты моей созданье»:

И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей.

Можно утверждать, что в русском варианте мифа детства ослаблен идиллический компонент: включенный в парадигму романтического двоемирия, миф детства приобретает более драматичный характер. Слабее выражена и парадигматика мифа о Золотом веке, не случайно в 1828 г. А. А. Дельвиг пишет идиллию под знаменательным названием «Конец золотого века», в которой утверждает невозможность счастливого и безмятежного состояния:

<...> мы счастливы были, и боги любили счастливых:
Я еще помню оное светлое время! но счастье
(После узнали мы) гость на земле, а не житель обычный.
Песню же эту я выучил здесь, а с нею впервые
Мы услышали и голос несчастья, и, бедные дети,
Думали мы, от него земля развалится и солнце,
Светлое солнце погаснет! Так первое горе ужасно! [7, с. 198].

Нельзя не заметить также, что для русского варианта мифа детства не характерна идеализация природы в противопоставлении городскому ландшафту, что, очевидно, объясняется недостаточной степенью развития процесса урбанизации; культ естественной природы приобретает в России аксиологический подтекст и включается в состав иной оппозиции, где природа противостоит лжи и фальши светской жизни, единение человека и природы выступает не столько как натурфилософский, сколько как метафизический идеал целостности бытия.

Отметим, что мотивы, осмысленные Лермонтовым, развивались и другими поэтами, но уже в рамках иной художественной системы. К теме детства обращался и А. С. Пушкин, который, как известно, был сиротой при живых родителях. В своих стихах Пушкин воспевал иную «семью», куда входили его друзья по Царскосельскому лицей, няня Арина Родионовна, которая по существу заменила ему мать. Так, например, в стихотворении «Сон» поэт с благодарностью вспоминает няню, называя ее «мамушкой»:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы... [8, т. 1, с. 146].

Вторым домом и семьей для Пушкина стал Царскосельский лицей. В стихотворении «19 октября», написанном поэтом к годовщине основания лицея, гнетущее чувство одиночества покрывается внутренней радостью, переживаемой во время дружеских встреч и поэтического вдохновения:

Друзья мои, прекрасен наш союз
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз [8, т. 2., кн.1, с. 375].

Тот же мотив находим у Е. Боратынского, который в одном из стихотворений, написанном во время ссылки в Финляндии, свою тоску по

друзьям уподобляет тоске по семье и родному дому; во встрече с друзьями, согласно автору, кроется сущность человеческого счастья:

<...> Где ты, о Дельви́г мой! ужель минувших дней
Лишь мне чувствительна утрата <...>
И где же дом утех? где чаш веселой стук?
Забыт друзьями друг заочной,
Исчезли радости, как в вихре слабый звук <...>
И я, певец утех, теперь утрату их
Пою в тоске уединенной <...> [9, с. 118].

Таким образом, можно сказать, что сложившийся под влиянием культурно-исторической эволюции миф детства в русской романтической поэзии несмотря на отсутствие явной выраженности идилличности, получил свое осмысление благодаря значимости аксиологического начала в русской литературе, с помощью которого на наш взгляд, переосмысливаются и затем репрезентируются основные структурно-семантические составляющие мифа детства, прежде всего в плане осмысления ценности семьи, дома для ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковский, Н.Я. Романтизм в Германии. — С.-Петербург, 2001.
2. Рапай, К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему / Клотер Рапай; пер. с англ. — М., 2008.
3. Лотман, Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция / Избр. ст. : в 3 т. — Таллинн, 1993. — Т. 3. — С. 127–137.
4. Лопухин, А.П. Библейская история Ветхого и Нового Заветов. — М., 2011.
5. Лобова, Т.М. Феноменология детства в творчестве М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01; Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 2008.
6. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т.; под ред. И.Л. Андронникова, Ю.Г. Оксмана; вступ. ст. и примеч. И.Л. Андронникова. — Т. 1: Стихотворения, 1964. — М., 1964–1965.
7. Дельви́г, А.А. Полное собрание стихотворений; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.В. Томашевского. — Ленинград, 1959.
8. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т.; ред. комис.: А.М. Горький [и др.]. — [Переизд.]. — М., 1994–1997.
9. Боратынский, Е.А. Полное собрание сочинений и писем. — Т. 1: Стихотворения 1818–1822 гг. — М., 2002.